

Кущевская. — 1996. — 26 окт. — С. 4.

Он учил нас летать

Олег ТАБАКОВ

1953 год. Я — студент третьего курса Школы-студии МХАТа имени Вл.И.Немировича-Данченко...

В те годы это было учреждение в высокой степени академическое, со своими строгими правилами. Считалось, например, неизменным, чтобы студент, встречающийся с одним и тем же педагогом два-три раза в день, каждый раз здоровался с ним.

И вот как-то совершенно неожиданно в Школе-студии однажды появился, нет, скорее, даже в нее влетел поражающий своей естественностью и простотой поведения новый педагог по дисциплине "Художественное чтение", известный в Москве и за ее пределами артист Дмитрий Николаевич Журавлев.

Он был таким особенным среди прочих педагогов, что впечатление это произвело чрезвычайное. Видно это было по тому, как педагога поджимали губы и явно надеялись на то, что он быстро образумится, возьмет себя в руки и "станет в строй".

Но ничего подобного не произошло. Дмитрий Николаевич с присущей ему прекрасной непосредственностью продолжал всех удивлять своей естественностью, свободой, добротой. Доброжелателен он был до патологии, — самый неспособный из нас получал от него свою долю веры в себя. Многие из того, что он говорил, было мне тогда непонятным, но именно он, как никто, мог дать точную оценку способностям, нежно, совершенно по-отцовски подбодрить в трудную минуту.

У Виктора Розова есть такой образ: девочка, проглотившая атом солнца. А представьте себе мужчину в довольно зрелом возрасте, проглотившего этот атом солнца и умудряющегося как-то эти протуберанцы распространять на нас, на нас, на нас...

Мы поняли это, наверное, позже, а тогда была просто радость общения с ним, всегда приветливым и простым.

И ведь он учил нас летать — по-другому не скажешь.

Рассказывают: однажды великий основатель Художественного театра, репетируя, спросил у актера: "А вы не думали, с чего начинается полет птицы?" Растеряв-

шийся актер долго не мог понять, чего от него хочет Гений, а потом пролепетал: "Она, наверное, разбегаются"... "Нет, — сказал Великий, — она становится гордой!"

И вот Дмитрий Николаевич постоянно и терпеливо подталкивал нас к этому. Мы получали от него огромный заряд веры в себя и, защищенные его заботой и любовью, жили дальше. Напоенный своей великой любовью к литературе, он учил и нас любить ее так же, и нам становилось прекраснее и легче жить...

Однажды я смотрел передачу, посвященную великому волшебнику искусства Федерико Феллини, и плакал. Плакал потому, что мальчик в белоснежном костюме выводил на флейте поразительную по трагизму нежную мелодию Нино Рота — мелодию, пришедшую из детства, тоскующую по тому, что все на свете кончается — и детство, и мелодия, и сама жизнь... Я плакал потому, что Феллини подарил мне редкие в жизни секунды сочувствия настоящему таланту, когда я переживал его образы и ощущения, как свои собственные.

И совершенно это же чувство слияния моей души с душой Дмитрия Николаевича наполняло меня, когда я слушал "Даму с собачкой", отрывки из "Войны и мира", "Онегина" и, конечно же, пушкинские стихи.

Дмитрий Николаевич никогда не был только исполнителем, он всегда был **соавтором** и Пушкина, и Чехова, и Толстого!